

Корень Владимир

20.6.95.

Клубные встречи

Тридцать три года назад Владимир Корень, тогда двадцатилетний студент театрального вуза, только что приехавший в Москву из Крыма, сыграл роль человека-амфибии. Она принесла ему фантастическую популярность. Потом было немало других киноролей, еще больше — ролей в спектаклях на сцене Театра имени Станиславского. Многие заядлые театралы приходят сюда «на Коренев»...

Владимир
КОРЕНЕВ:

«Я был молод, влюблен, остальное — забылось»

— Владимир Борисович, представляю, как вам надоело отвечать на вопросы, связанные с «Человеком-амфибией»...

— Ну вот — и вы с этого начали. Да ладно, не извиняйтесь, я уже давно по этому поводу не переживаю. А раньше, откровенно говоря, обижался: я ведь довольно много снимался в 60—70-е годы, и были у меня в кино работы куда более зрелые, не говоря уже о театре. А журналисты все — Ихтиандр, Ихтиандр...

— Но ведь зрителям-то фильм до сих пор нравится.

— Да, несмотря на все его недостатки. Достоинств, наверное, больше. Вообще я в конце концов понял, что «Человек-амфибия» — это мое большое везение. И роман Беляева замечательный, а уж на картине такая компания собралась! Сценарий написал сам Алексей Каплер, музыку — сам Андрей Петров, отца главного героя играл сам Николай Константинович Симонов. Юные Настя Вертинская, Миша Козаков...

— Наверное, здорово было на съемках?

— Честно говоря, каких-то подробностей не помню — только общее впечатление: я был влюблен, съемки проходили на моей родине, под Севастополем, впереди — целая жизнь... Хорошо было. А детали стерлись. Удивительное дело — память отличная, знаю множество стихов, даже самые первые свои роли помню, а что вокруг меня происходило тридцать лет назад — как в дымке.

— К профессиональным воспоминателям, стало быть, не относитесь?

— Куда там. Вот Ираклий Андроников — ему было лет пять, а он запомнил, как звали меццо-сопрано Тифлисской оперы. Другие ходили в школу, играли со сверстниками, а он запомнил! Многие исторические деятели, наверное, тогда так строили свою жизнь: заехать к пятилетнему Ираклию, рассказать ему что-то, высказать свои важные мысли, чтобы через шестьдесят лет он это вспомнил и напечатал со своими комментариями. Но я таким талантом не обладаю.

— Вы уж извините, Владимир Борисович,

но еще один дежурный вопрос задам: не оглушили вас в свое время «медные трубы»? Популярность ведь сказочная была.

— Конечно, когда такое сваливается на голову двадцатилетнего человека, можно и не устоять. Но мне хорошие и умные друзья вовремя объяснили, что одной ролью не проживешь. Да и что я там такого сделал...

— По нынешней классификации вы относитесь к актерам среднего поколения, которое застало еще тех, кто прошел школу Станиславского. Вам есть с чем сравнивать. Понимаю, что это очень субъективно, и все же: смогла бы сегодняшняя актерская «сборная» устоять против «сборной» 50—60-х годов?

— Никогда! Все измельчало. Раньше актеров Художественного театра можно было от-

личить от актеров Малого театра даже по манере говорить, сейчас — все под одну гребенку. Раньше внутри коллективов рождались человеческие отношения, театр был настоящим домом для артистов. Сейчас это уходит, почти ушло... А мне действительно повезло — я видел последних могикан, работал с ними. Когда спрашивают, каким должен быть актер, я отвечаю: таким, как Николай Симонов. Похожим на него по таланту быть невозможно — это индивидуальность, это от Бога. Но его отношение к делу... Симонов был удивительно чистым человеком. В театре — Александринке — его называли «голубь», потому что он никогда не лез ни в какие интриги, не был замазан грязью закулисы. Он искренне верил в Бога, и потому все его работы проникнуты христианской духовностью. Нынче у нас все иначе, все материализовано. Может, для экономики это и хорошо, но не для души.

— Владимир Борисович, вы тридцать лет работаете в одном театре. И жена ваша, и дочь играют в нем. Что это — взаимная любовь или просто консерватизм? Не хотите ничего в своей жизни менять?

— Я на самом деле консерватор. Даже квартиру в жизни менял только один раз, а чтобы театр... И для меня, и для жены — Аллы Константиновны, и для дочери Ирины Кореньевой он давно стал родным.

— Прихожу к выводу, что вы человек серьезный и основательный. Но наверняка были в вашей жизни какие-нибудь комичные случаи.

— Одну историю расскажу. Когда вышел «Человек-амфибия», я начал получать огромное количество писем. За год где-то около десяти тысяч. Ответить на них, даже прочесть было просто невозможно, я их складывал в коробку от холодильника. Когда она заполнилась, решил отдать всю «коллекцию» школьникам, чтобы они выполнили план по макулатуре. Но учительницу, естественно, попросил, чтобы дети писем не читали. И вот когда ящик выносили, я вдруг обнаружил сверху конверт не фабричный, а склеенный руками, и на нем написано: «Товарищ Корень! Я знаю, что вы писем не читаете и не отвечаете на них. Но мои письма вы прочтете. Их будет ровно десять. Я сфотографировалась голый, разрешила карточку на десять частей и в каждом письме буду вразбивку присылать одну десятую часть фотографии». Я потом этой самоотверженной поклоннице послал свою карточку с надписью: «Извините, что не голый». Надеюсь, поняла юмор.

— Работы вам сегодня хватает?

— Грех жаловаться. Сыграл Швондера в «Собачем сердце» по Булгакову, жениха в «Уважаемых гражданах» по Зощенко, играю одну из главных ролей в спектакле Луиджи Пиранделло «Сумасшедшие поневоле», Шалимова — в «Дачниках», Пеликатова — в «Талантах и поклонниках». Сейчас репетирую Осипа в «Ревизоре», эту премьеру зрители увидят в сентябре — октябре. Решил попробовать себя и в качестве режиссера — в новом сезоне начну репетировать комедию Лабиша под названием «Я». Пьеса замечательная, не заигранная, очень хорошо накладывается на актеров нашего театра. Только что прочитал пьесу Семена Спивака «Женский род, единственное число», в которой мне также нашлась роль.

— А в кино где мы вас увидим?

— Пока нигде. С кино вообще сложно. Начнем с того, что в отличие от Владимира Ильича Ленина я не считаю его важнейшим из всех искусств. Как тогда быть с литературой, театром, музыкой, балетом? Семьдесят лет пропагандировалась эта нелепая фраза, благодаря которой наши коллеги-кинематографисты столько мест под солнцем себе отбили. Сейчас наметилась «эмиграция» в театр, потому что в кино ситуация хуже. К тому же театр, я имею в виду драматический, — искусство элитное, не тиражируемое. Когда ты туда приходишь, видишь живых актеров, когда есть энергия, которую пленка не может передать, тогда понимаешь, какое это великое искусство.

— Последний вопрос: если бы вас пригласили выступить на съезде какой-либо партии или на юбилее политика, пошли бы? Многие ваши коллеги выступают, говорят: почему бы нет, если платят.

— Конечно, актеры мало получают, но неужели совсем нечего есть и нет никаких принципов, чтобы выступать у любого, кто заплатит? Для меня это унижительно было бы, и вообще я в политику стараюсь не лезть и в туговесных этих не участвовать. Тем более что к происходящему сейчас в стране отношусь критически. Но и оппозиция меня не привлекает. Как писал в свое время Станиславский, на снижение общественной нравственности надо отвечать повышением нравственности в искусстве. Каждый человек на своем месте должен этим заниматься.

Гостя принимал
Андрей КНЯЗЕВ.

Сцена из спектакля «Дачники».